

Если да, то ему необходимо действительно помогать.

Для слова о зарубежных гастролях. Гастрольная деятельность Большого театра за рубежом приняла хаотический характер. Она планируется руководящими ведомствами, порой без учета тех последствий, которые имеет. Так, например, балетная труппа уже пять лет без отпуска. Мне мнение: сезон Большого театра должен быть неприкосновенным. У нас же он открывается то раньше, то позже, бывает, что в разгар сезона нет балетной труппы и оперной приходится работать за двоих и т. д.

Еще одна проблема: почему те или иные артисты покидают театр? Идет центробежный процесс — мы потеряли В. Атлантова, А. Лиену, — все это происходит оттого, что система существования артиста в театре пришла в несоответствие с требованиями сегодняшнего дня. Важно, чтобы была закрыта дорога произволу, индивидуализму, ни на чем не основанным решениям. Нужна коллегиальность. Тогда мы, не теряя своих звезд, могли бы с большей пользой использовать их в работе театра.

А. Богатырев, народный артист РСФСР. Осенью 1987 года, после публикации в «Огоньке», мы впервые узнали со страниц печатного органа, что в Большом театре не все благополучно. Я считаю, что наши выдающиеся мастера, которые набрались мужества сказать об этом, совершили в какой-то степени гражданский подвиг. Что же произошло впоследствии? Самое серьезное, на мой взгляд, поднимается проблема, но люди, ответственные за ее решение, упорно делают вид, что ее нет. Более того, чтобы не решать проблему, начинают обсуждать тех, кто ее поднял. После публикации «Огонька» в Большом театре было проведено ее обсуждение, которое организовал бывший генеральный директор театра С. Лушин, главный балетмейстер Ю. Григорович и министр культуры СССР В. Захаров. Было не обсуждение статьи, а избиение людей, которые с ней выступили. И это избиение было санкционировано нашим руководством. Кому-то давали выступить, кому-то затыкали рот. Леона Мессерера не пускали на сцену. Я трижды посылал записку — мне было отказано в выступлении. Но самое ужасное — предпринятая попытка организовать конфронтацию молодого и старшего поколений... Мне думается,

что среди молодежи, которая сегодня присутствует в театре, существуют некоторые понятия: право на критику и право на хамство. Обида, нанесенная нашим выдающимся артистом, расправа над ним будет иметь далеко идущие последствия. Как получилось, что, вынеся всех этих людей на пенсию, никому из них не предложили работу в качестве репетитора? Ведь мы рвем связи поколений. Ни Тимофеева, ни Васильева, ни Максимова, ни Лавровский, ни Голикова... Плисецкая Майя Михайловна! Товарищи! Этому человеку не предложили передать свой опыт. Пусть Васильев работает в Италии, пусть Плисецкая работает в Испании, только бы их не было в Большом театре! Что мы делаем? Почему мы не считаем, что талант — это наше культурное достояние? Почему мы это достояние отдаем в распоряжение одного человека, который, являясь единственным руководителем, хочет — видит, не хочет — не видит? Наш главный балетмейстер Юрий Григорович — творческий лидер театра, воспитавший много интересных спектаклей. В какой ситуации он в театре сегодня? Он является главным балетмейстером. Дополнительно к этому его делают художественным руководителем балета. Он является Председателем художественного совета — единственный с правом решающего голоса (все остальные члены художественного совета имеют лишь совещательный голос). Он — Председатель конкурсно-тарификационной комиссии, которую сам же и назначает, а кроме того, возглавляет комиссию по составлению характеристик для упомянутой конкурсно-тарификационной комиссии... Он — единственный представитель балета от коллектива в 300 человек в Коллегии Большого театра. Ни один вопрос не может быть решен без единоличного решения Юрия Николаевича. Но самое интересное, что он ни перед кем не отчетливается за свою работу. Человек, никому неподотчетный, начинает окружать себя людьми, которые не позволяют себе его критиковать. Он нетерпим к критике. Все его действия сегодня направлены на то, чтобы сплотить вокруг себя более угодных, а не более достойных людей. Безотчетность — вот основная наша беда!

Посмотрите на наш репертуар. Пятидесятилетний период развития советского балета не входит в нашу афишу. Мы не видим в ней имен Р. Захарова, Л. Лав-

ровского, Л. Яковсона, К. Голейзовского, В. Вайнонена, А. Мессерера, К. Сергеева, В. Чабукани! Декорации погибли в ангарах. Костюмы многих наших звезд распроданы. Но ведь они составили бы ценность хотя бы для музеев...

Все мы отдали театру свою жизнь, свое сердце, и когда мы беспокойимся о его будущем — не надо считать, что мы хотим кого-то очернить или свести счеты... Я хочу, чтобы мы объективно оценили, что же происходит у нас в театре, и решили сообща, как это исправить.

В. К. Если речь идет о выступлениях Плисецкой, Васильева, Максимовой, Лавровского в Большом театре, то это зависит от самих артистов — им такие права предоставили. Другой вопрос, найдено ли место в театре для этих выдающихся мастеров в новом качестве: репетитора либо педагога. Это связано со многими не только личностными, но и кадровыми вопросами. Чтобы кого-то взять, нужно кого-то уволить и т. д. Понимаю правомерность такой постановки вопроса — преувеличивать, надо обеспокоиться, я с этим согласен.

А. Б. 21 октября 1988 года был издан приказ за вашей подписью о назначении репетиторами Василия Ворохобко и Юрия Ветрова. Место для них нашлось. А, к примеру, для Плисецкой, не нашлось...

В. К. Приказ был подписан по представлению главного балетмейстера.

Е. Максимова, народная артистка СССР. Я понимаю, Владимир Михайлович, что очень трудное у вас положение, потому что все вопросы по балету относятся все-таки к Юрию Григоровичу, которого здесь нет и в общем непонятно почему. Получается бессмысленный разговор, и эта бессмыслица длится уже несколько лет. Вам задают вопросы, и вы от них, естественно, уходите, потому что не знаете, что отвечать... Я вас не призываю объяснять сейчас, почему нас вывели, то есть, как это называется... исключили из театра. Выгнали по конкурсу... Недавно пришлось оформлять трудовую книжку, а как-то неудобно писать «не прошедшие по конкурсу», — все же лучше звучит, что мы вышли на пенсию. Так же, как Архипова, мы пока ничего не получаем и находимся между небом и землей.

Насколько я понимаю русское слово «договор», чтобы его зак-

лючить, нужно, наверное, как-то договориться... А наше исключение из театра было сделано без нашего присутствия, хотя по закону отсутствующие люди не могут быть выведены по конкурсу. Так что договор с нами заключили без нас...

В. К. С этим нужно разобраться, а что касается вашего участия в репертуаре, — я думаю, что нам с вами можно это вопрос решить так, как это будет выгодно и для театра, и для нас, — готов взять это на себя.

В. Гавевский, критик. Я думаю, что конфронтация между театром и критикой будет продолжаться до тех пор, пока наши замечания станут рассматриваться как удар в спину. Тотчас начинаются жалобы и звонки в различные инстанции. Меня всегда поражало, что создатели и участники героических полетов ведут себя в таких ситуациях как плачущие девочки и немедленно кидаются за помощью к вышестоящим организациям, словно к папе и маме... Это несколько осложняет наши отношения, но не в этом дело.

Из того, что я слышал сегодня, я понял три вещи: во-первых, Большой театр — это театр без будущего. На все наши вопросы о планах театра никакого конкретного ответа не было дано и его, по-видимому, и не будет. Во-вторых, очевидно, что это театр без прошлого. Речь идет не только о судьбе наших товарищей, но и о судьбе предшущих поколений, о памяти тех, кого мы никогда не видели, но которые здесь начинали. К примеру, Л. Мясин. Хотя какой-то след его пребывания остался в Большом театре? Здесь не ведется никакой историко-исследовательской работы. Здесь не помнят о тех, кто работал на этой сцене. Академический театр перестал быть в этом смысле Академией, хотя, по-моему, он домогается этого звания. Наконец, простите меня, но это театр без настоящего, ибо он отгородился от всего, что было накоплено русской и советской хореографией, как и от того, что происходит за рубежом. Эта ситуация, на мой взгляд, скандальная, она приводит к тому, что Большой перестает быть театром цивилизованным...

В. Васильев, народный артист СССР. У меня сложилось такое ощущение, что в опере у нас теперь полный порядок! Хотя уже несколько лет было наоборот...

Я не буду сейчас предъявлять личный счет ни дирекции, ни Юрию Николаевичу, которого нет,

хотя такой счет имеется и довольно большой... Мне кажется, задача наша сейчас — не повторить тех ошибок, которые совершались на протяжении ряда лет в Большом театре. Старый и новый репертуар. Как относиться к классике. Не можем мы коллекционировать все, что сделано предшественниками. С другой стороны, если хореограф отжил свой век, ушел, на смену пришел другой, а где традиции? Эстетика меняется, время идет, значит целые пласты шедевров купут в вечность? Спектакли музыкального театра отличаются от других видов сценического искусства тем, что они могут быстро устаревать, но по прошествии какого-то, иногда довольно длительного времени, опять становятся открытием. Вот, скажем, «Жизель».

Балет существует 150 лет, каждое поколение талцует его по-разному. Но почему «он жив»? Только потому, что не уходит из репертуара. Сняли бы «Жизель» с афиши лет на десять, и мы потеряли бы спектакль... Значит, вопрос о сохранении наследия — по-прежнему один из главных. Театр не хочет эту проблему решать.

Нас никто не понимает, когда мы говорим, что для Большого проблема аншлага заключается в потере критериев. Для любого театра на периферии это нонсенс. У них происходит обратное — если нет зрителей в зале — значит спектакль плохой. У нас же полный зал — вовсе не свидетельствует о качестве спектаклей. Критерии смешаны.

Меня беспокоит очень важная сегодня проблема — выбор лидера. У нас повсюду сейчас одни лидеры. Все кричат: «Дайте нам лидера!», забывая о том, что лидер может повести по дороге, далекой от правды, от истины. В поисках лидера мы забыли о том, что нужно искать прежде всего личность, многие из нас стали путать эти понятия: лидер и личность. Демократии не будет, если мы, развенчав одно божество, тут же станем создавать новое...

Все те проблемы, которые накладываются в Большом театре мы не решим, разделяя единый организм на части: отдельно партбюро, отдельно Коллегия и т. д. Мы должны действовать только сообща, в единстве. — цель, реальный путь к решению множества больших вопросов.

Публикация Елены ЛАНЕЦКОЙ

